

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
22—24 мая 2014

Панельная сессия
«ЗЕЛЕННЫЕ» ДЕНЬГИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

22 мая 2014 — 16:00—17:15, Павильон 5, Конференц-зал 5.1

Санкт-Петербург, Россия
2014

Модератор:

Елена Лазько, Партнер, Deloitte

Выступающие:

Михаил Аким, Вице-президентом по стратегическому развитию, АВВ

Мадлен Берграм, Руководитель отдела экологической и социальной ответственности по Европе, Ближнему Востоку и Африке, НР

Всеволод Гаврилов, Директор дирекции по управлению проектами в области энергосбережения и природопользования, Сбербанк России

Андрей Елинсон, Заместитель генерального директора, «Базовый Элемент»

Нуритдин Инамов, Директор департамента международного сотрудничества Министерства природных ресурсов Российской Федерации

Максим Нечаев, Директор консультационных проектов, IHS Energy

Евгений Шварц, Директор по природоохранной политике, World Wide Fund for Nature

Исаак Шепс, Президент, ОАО «Пивоваренная компания «Балтика»

Е. Лазько:

Добрый день, дорогие коллеги, расслаживайтесь. Начинаем нашу традиционную панельную дискуссию «Зеленая повестка России». Мы собираемся не в первый раз, и сегодня будем обсуждать актуальные проекты компаний, государства, некоммерческих организаций. Прошлый год был Годом экологии, этот год нет — но есть много интересных инициатив по этой теме. Я представляю участников дискуссии в том порядке, в котором они будут выступать. Нуритдин Инамов, директор департамента международного сотрудничества Министерства природных ресурсов Российской Федерации; Всеволод Гаврилов, самый «зеленый» человек из самого зеленого банка — директор дирекции по управлению проектами в области энергосбережения и природопользования, Сбербанк России; Михаил Аким, вице-президент по стратегии АВВ; Мадлен Берграм, НР, руководитель отдела экологической и социальной ответственности по Европе, Ближнему Востоку и Африке; Максим Нечаев из IHS Energy, директор консультационных проектов; Исаак Шепс, президент компании «Балтика»; Евгений Шварц, директор по природоохранной политике Всемирного фонда дикой природы. Возможно, позже к нам присоединится Андрей Елинсон из «Базового элемента». Начнем с министерства. Надеемся услышать, какие основные инициативы есть у Министерства природных ресурсов как у государственного органа, отвечающего за экологию в нашей стране, какие основные направления развития, чего нам ждать в ближайшем будущем. Спасибо.

Н. Инамов:

Спасибо большое, Елена Васильевна, добрый вечер, уважаемые участники. Когда я готовился к сегодняшнему заседанию, у меня был выбор. Был толстенный доклад на 26 листах о наших подвигах и достижениях на почве экологии, в том числе о том, что нам удалось сделать в прошедшем году, который, как правильно сказали, был в Российской Федерации Годом экологии.

Но я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы заострить внимание на том, как мы можем двигаться дальше. Я бы предложил в развитие основной повестки дня поставить вопрос следующим образом: может ли движение к «зеленой» экономике стать драйвером экономического роста. Именно в таком контексте. Мы прекрасно знаем сложившуюся экономическую ситуацию в стране — прогнозы не самые оптимистические. Может быть, именно движение к «зеленой» экономике, «зеленое» развитие может стать драйвером, который поможет нам идти дальше. Безусловно, здесь есть ряд вопросов.

Я бы в качестве реперных точек обозначил следующие. Это идейно-философское продвижение концепции «зеленой» экономики. Я помню позицию наших коллег из российских ведомств на встрече министров охраны окружающей среды стран АТЭС в июле 2012 года: на само упоминание «зеленой» экономики было наложено табу. Мне сказали: «Ты что, у нас нет ни определений, ни понятий!» Есть терминология у ЮНЕП, есть терминология в ОЭСР, но мы не стали углубляться в терминологические разборки. Мы сказали: хорошо, мы просто двигаемся, понимая, что один из основных постулатов «зеленой» экономики — это значительный учет экологических факторов, который заложен в нашем дальнейшем развитии. Честно говоря, я был безмерно рад, когда Владимир Владимирович Путин уже на саммите АТЭС произнес термин «зеленая экономика». Этот драйв стал развиваться дальше: уже на IV съезде по охране окружающей среды мы спокойно пользовались этим термином. Мы поставили вопрос следующим образом: «зеленая» экономика — утопия или неизбежность развития? Я искренне признателен всем панелистам, даже не рассматривавшим вопрос об утопии. Вопрос стоял о степени неизбежности дальнейшего развития. Идея «зеленой» экономики, «зеленого» развития находит понимание, и сегодняшняя панельная дискуссия — это движение в том же направлении.

Я прекрасно понимаю, что, наряду с развитием идейно-философского обеспечения, необходимо создание нормативно-правовой базы или правовой

оболочки, задающей вектор. Основная нагрузка в этом лежит на нас, на Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Необходима выработка законов, которые бы закладывали основы для дальнейшего развития в этом направлении. Что делается? Не могу сказать «сделано», потому что мы в процессе. Я бы назвал это своего рода пакетом законодательных инициатив министерства, призванных кардинальным образом поменять экологическое законодательство России. Из большого количества законопроектов, над которыми мы работаем, я бы выделил три ключевых. Это законопроект о наилучших доступных технологиях: в соответствии с ним мы используем принцип «загрязнитель платит» и предлагаем резко увеличить штрафы за загрязнение окружающей среды, стимулируя в то же время переход предприятий на наилучшие доступные технологии. Мы понимаем, что наряду с запретительными мерами надо экономически поддерживать движение предприятий в правильном направлении. Бенчмарком, на который мы будем ориентироваться, наилучшими доступными технологиями для нас стали так называемые европейские BREF - Best available technologies Reference books. Естественно, речь не идет о том, чтобы прямо копировать европейцев. К примеру, Германия перешла на принцип НДТ в 1973 году. За это время многое отработано. Мы должны внимательно смотреть, что есть хорошего у тех экономик, которые уже продвинулись по этому пути развития — поэтому, в частности, мы стремимся координировать свою работу с ОЭСР. В ходе процесса присоединения России к ОЭСР экологический блок вопросов превышал 45% всех требований, которые поставили перед нами. Во время встречи с генсеком ОЭСР господином Гурриа я сказал: господин Генеральный секретарь, мы насчитали 1700 вопросов по экологии. На что он ответил: мы очень заинтересованы, мы мало знаем об экологии в России, отвечайте. Это один из ключевых законопроектов, он сейчас готовится ко второму чтению, и мы надеемся, что продвинем его. Здесь самое тяжелое, как говорил Гегель, это переворот в умах — показать бизнесу, ведомствам, что те средства, которые

предполагается пустить на обновление производств, это не графа «убытки», а графа «инвестиции». Вложение в модернизацию производства надо рассматривать как инновационный путь развития, о котором мы много говорим. Второй законопроект, который не менее интересен, — законопроект управления отходами. Я длинные названия не буду читать, но суть закона — это экономическое стимулирование обращения с отходами. Здесь один из принципов — принцип ответственности производителя на каждом этапе производственной цепочки, на всем протяжении жизненного цикла продукта. Руководствуясь правилом «загрязнитель платит», мы хотим, во-первых, предотвращать образование отходов, во-вторых, добиваться углубленной переработки отходов, и в-третьих, то, что не удастся подвергнуть рециклингу, как-то использовать — это уже экологически безопасно удалить. Здесь также, на наш взгляд, открывается большое поле для предпринимательской инициативы. Мы видим поле для внедрения новых технологий переработки тех отходов, которые раньше невозможно было переработать технологически, для извлечения компонентов. Здесь заложен экономический потенциал для дальнейшего развития.

Третий законопроект — о прошлом экологическом ущербе. Мы его иногда называем законопроект о советском наследии. Точные цифры я не буду давать, потому что различаются подходы к тому, что досталось нам от предыдущих периодов развития, но во многих регионах, к сожалению, это значительная проблема. При работе с этим законопроектom мы столкнулись с методиками подсчета и определения того, что можно отнести к прошлому экологическому ущербу. Несет ли ответственность владелец предприятия, рядом с которым море химических и прочих отходов, но юридически это море к нему не относится? Или же ответственность должно брать на себя государство? Здесь очень важна роль применения экономических инструментов. Задача консалтинговых компаний, Deloitte и других, — помочь нам подсчитать, что мы получаем, затрачивая определенные суммы на

расчистку. Есть ряд крупных, средних, мелких поселений, где то, что досталось нам в наследство, настолько отравляет окружающую среду, что имеет смысл сравнить расходы на расчистку территории, с расходами на здоровье, на медицинское обеспечение. Здесь мы тоже внимательно изучаем международный опыт. Например, опыт американцев — у них есть программы Superfield, Brownfield, они добились по ряду направлений в некоторых штатах серьезных успехов. Они просто отдавали в собственность новым компаниям земли, которые те брались очистить. Строились такие здания, что выстраиваются очереди на то, чтобы попасть в таунхаус или получить место в торговом центре, который построен на месте бывшей свалки. Этот путь мы можем рассматривать применительно к таким мегаполисам, как Москва, Санкт-Петербург, где земля имеет большую стоимость и может использоваться в качестве экономического инструмента — но не применительно к Кузбассу, удаленным районам. Поэтому здесь нам также необходим экономический инструментарий, который позволял бы запустить эти процессы.

Наряду с разработкой идейной, философской, законодательной оболочки, поиском экономических инструментов мы работаем над реализацией конкретных пилотных проектов, используя тот инструментарий, который у нас есть сегодня. В частности, по водной проблематике мы разработали и приняли Водную стратегию Российской Федерации, и в ее продолжение разработан целый свод нормативно-правовых документов. Подготовлена и принята Федеральная целевая программа «Развитие водохозяйственного комплекса», где мы стимулируем регионы к тому, чтобы они всерьез занимались водной проблематикой. Федеральный центр здесь выступает в качестве своего рода ведущего игрока, который в то же время готов субсидировать регионы, чтобы они переходили на новую технологию. Наряду с этим используются также бюджетные средства, механизмы международных финансовых институтов, в частности Глобального Экологического Фонда, с тем чтобы реализовывать некоторые пилотные проекты, которые заложили бы вектор развития. Здесь

присутствует господин Исаак Шепс. Мы с компанией Carlsberg разработали очень перспективный и интересный проект. С использованием средств Carlsberg, компании «Балтика» и с привлечением гранта Глобального Экологического Фонда мы хотим добиться, чтобы по всей цепочке от экологической посадки ячменя и до утилизации тары из-под пива все строилось на экологических принципах. Наверное, с помощью этих примеров мы можем заложить основы движения к «зеленой» экономике. Естественно, нам необходимы площадки, в качестве одной из них мы рассматриваем Санкт-Петербургскую инициативу, которая была принята в апреле прошлого года по итогам встречи глав правительств стран Балтийского региона. В рамках Санкт-Петербургской инициативы мы и отработываем эти механизмы, проекты и технологии. На этих же заседаниях присутствуют представители банковских, финансовых кругов, которые подсказывают, где можно брать деньги, как дорабатывать проекты таким образом, чтобы они стали bankable, то есть инвестиционно привлекательными. Считаю, что это развитие позволит нам продвигаться дальше.

В конце апреля мы провели конференцию по «зеленому» судоходству. Мы прекрасно понимаем, что от регулирования выхлопных газов от автомобилей мир сейчас движется к тому, чтобы регулировать выхлопы кораблей, и наша задача состояла в том, чтобы показать движение в этой сфере с точки зрения нормативного регулирования, а также с точки зрения конкретных технологий и возможных финансовых ресурсов. С участием ГЭФ мы договорились с Европейским банком реконструкции и развития о запуске масштабного проекта, который называется Green Shipping, с тем чтобы судовладельцы имели возможность получить экономические стимулы для модернизации действующего флота, обеспечения экологии морских пространств, создания новых рабочих мест. Мы уверены в том, что вместе с вами будем двигаться в этом направлении. Спасибо.

Е. Лазько:

Огромное спасибо за то, что задали нам основные направления дальнейшего обсуждения. Всеволод, Вы достаточно давно в Сбербанке и все время занимаетесь вещами, связанными с «зеленой» экономикой и «зелеными» деньгами. Если сможете привести нам интересные примеры из области Вашей деятельности, будем признательны.

В. Гаврилов:

Спасибо за приглашение. Очень почетно и приятно быть на этом Форуме. Действительно, наш стенд, который находится в Седьмом павильоне, — радикально зеленый. Концепцию «зеленого» развития мы демонстрируем уже нашим брендом. Мне очень приятно, что модель «зеленого» развития — это инвестиции. Когда произносят слово «инвестиции», профессиональные участники рынка довольно потирают руки, потому что это означает возможность размещения капитала и доходность. Я хотел бы обратить ваше внимание на следующее. Уже практически никто не сомневается что «зеленая» повестка необходима. Сейчас, слава богу, мы перешли от дискуссии на тему, нужна ли она, к дискуссии о том, как ее сформировать. Какая модель должна быть? Как она должна быть интегрирована с другими госполитиками? Как она должна быть интегрирована с профессиональным сообществом?

Говоря об инвестициях, мы сразу говорим как минимум о трех факторах оценки. Это реализуемость проекта, приемлемый риск и ожидаемая доходность. Без этих простых правил мы не можем начать движение. Очень важно наличие четвертого фактора — реально существующей бизнес-среды провайдеров решений.

Мы впечатлены большой работой, которую проделало Министерство природных ресурсов. Сейчас мы понимаем, что в самые ближайшие недели законодательная оболочка действительно приобретет свои окончательные, или почти окончательные, очертания. То есть, сигнал от государства будет дан.

Наша страна обладает двумя огромными потенциалами «зеленого» развития. Это интенсивный потенциал, о котором сегодня было сказано — потенциал модернизации существующих производственных активов; и потенциал экстенсивного развития, наличие которого, к счастью, подтверждается данными предоставленными недавно органами власти. Имеется в виду освоение новых территорий и позиционирование нашей страны как надежного глобального поставщика энергетических и неэнергетических ресурсов, продуктов их переработки. Россия как экологически ответственный поставщик продукции из природных ресурсов — это должно стать нашим ориентиром. Наше присутствие на рынке будет только расширяться. Совсем недавно подписано соглашение об экспорте газа в КНР. Давайте подумаем о том, как сделать это присутствие экологически ответственным и как поставлять на рынок товары и услуги с экологической моделью производства, которые сами являются вкладом в глобальную экологизацию. Мы в банке сейчас очень внимательно, вместе с нашими провайдерами, смотрим на возможное расширение линейки продуктов, которые Российская Федерация может представить на глобальный рынок. Прежде всего, конечно, биотопливо. Это один из самых экологически приемлемых видов топлива, который замещает, по крайней мере, природный энергетический уголь, например — в муниципальной энергетике. Очень трудно сменить котел, но можно сменить топливо, на котором работает котел. Выбросы сернистого газа, одного из самых неприятных с точки зрения экологической ситуации, образование золы и других твердых продуктов горения в биотопливе многократно меньше по отношению к ископаемому углю — вплоть до нуля. Россия вполне может занять место на этом рынке. Пока наша доля очень мала, она составляет существенно менее пяти процентов. Мы думаем о проектах производства топливных субстанций из торфа, из угля, которые должны заместить и дополнить то, что уже есть, — это возможности нашего расширения в экстенсивной плоскости. Реализация интенсивного потенциала, это очень сложная задача, очень чувствительная: я не хотел бы сейчас

вступать в дискуссию, просто дам возможность высказаться нашим коллегам из реального сектора. Но я хотел бы обратить внимание на следующее. Что нам хотелось бы услышать от регулятора, от государства? Наверное, два момента. Мы хотим в полной мере использовать все ресурсы производства и потребления, сократить до абсолютного разумного минимума выбросы, загрязняющие атмосферу, то есть уловить их и преобразовать. Например, выбросы азотно-кислого газа в азотную кислоту или продукты общей химии. Сернистый газ, коксовый газ или продукты горения от технологических процессов не сжигать, а трансформировать их либо в энергетику, либо в химические продукты. Это очень дорогие процессы, к сожалению, с очень невысокой рентабельностью. Проще перерабатывать сырье. Может быть, имеет смысл подумать о выравнивании конкурентоспособности этих бизнесов. Подумать о модели отнесения инвестиционных расходов такого вида бизнеса к затратам, об особом порядке взимания налога на добавленную стоимость при проведении определенного вида работ. О специальных «длинных» деньгах, которые будут размещаться под проекты с невысокой доходностью. Такие меры не создадут конкурентного преимущества этому бизнесу, но выровняют его положение по отношению к регулярному. Очень важно также создание профессиональной среды инвесторов и провайдеров этих решений. Предположим, мы с вами договорились, нашли решение, посчитали деньги, даже нашли источник денег. Но требуется большое количество профессиональных команд управленцев, должен быть физический потенциал этих технических решений. Это не такая простая задача, как кажется. Что можно сделать? Первое — ничего. Ждать, пока само по себе образуется. Второе — подумать о поддержке государства по созданию потенциала тех провайдеров этих решений, которые готовы работать в системе относительно невысокой доходности, относительно длинных циклов реализации проектов. Возможно — есть такие общепринятые мировые решения — это поддержка, подготовка проектной документации, программы грантов на подготовку

проектной документации, программы условно возвратных грантов. Это месяцы и годы сложнейшей технической работы с инженерами, с поиском решений. Очень хотелось бы, чтобы центр прибыли всех этих технических решений оставался в России. Мобилизация технологий, с нашей точки зрения, — обязательный и почти неизбежный фактор, который должен учитываться. Понятно, что многие решения на первых этапах придется просто импортировать, но этот импорт, с нашей точки зрения, обязательно должен сопровождаться серьезными программами мобилизации. Мне было очень приятно слышать выступление представителя Министерства природных ресурсов, поскольку вы сказали, что у вас уже есть интеграция с Министерством промышленности, Министерством энергетики, Министерством транспорта. Такие интеграционные процессы исключительно важны. А мы действительно ждем новых инвестиций. Мы являемся профессиональными участниками, мы хотим на этом зарабатывать. Уже немного зарабатываем, но хотим зарабатывать больше. Мы партнеры консенсуса. Конечно, чтобы деньги пошли, должен быть консенсус, правильный, приемлемый профиль риска, возможность реализации проекта и некая разумная доходность. Наверное, все.

Е. Лазько:

Огромное спасибо, очень интересно. Я передаю слово Михаилу Аким, он будет выступать с достаточно необычной для нашей дискуссии темой. В последнее время много обсуждаются вопросы, связанные с будущим электромобилей в Российской Федерации. Мы сейчас выслушаем взгляд на то, что из этого может получиться и как это может выглядеть.

М. Аким:

Спасибо за приглашение на панель, приятно видеть друзей и единомышленников. Действительно, эта тема сейчас для нас очень интересна. В Группе инновационного развития, которую мы создали в Консультативном

совете по иностранным инвестициям, выяснилось, что тема весьма востребована. Весьма востребована и тема мер поддержки электромобилей. За это время нам удалось совершить определенный прорыв — по крайней мере, на электромобили была обнулена пошлина. Если год назад небольшой электромобиль Miev компании Mitsubishi стоил под два миллиона рублей, то сейчас он стоит меньше миллиона, это уже большое дело. Сейчас мы пытаемся расширить эту инициативу для грузового транспорта, развозного транспорта. Крайне важно, чтобы появились электрические автобусы, потому что проблема загрязнения окружающей среды в городах во многом зависит от транспорта. Применение электромобилей на государственном уровне — это метод, которым внедряются эти технологии во всем мире.

Но не все так просто с точки зрения локализации, определения роли России в данном процессе. Сейчас мы говорим о мерах поддержки импорта. Обнуление пошлин — действительно прекрасный путь для того, чтобы привнести новые технологии. Нужно создать рынок, а потом уже локализовываться, иначе получится так, как сейчас получилось с Постановлением 449. Это было очень хорошее постановление с точки зрения поддержки альтернативной энергетики, но только ветроэнергетика в принципе по нему не проходит, потому что там присутствуют требования локализации, которые не позволяют это осуществить. По электромобилям нужно учитывать, какие есть центры силы в мире. Америка конкурирует с Китаем, Европа пытается конкурировать и с Китаем, и с Америкой. В это вкладываются большие деньги. Допустим, в Европе в предыдущей инновационной программе, так называемой Седьмой инициативе, 420 миллионов евро от Евросоюза были потрачены на технологии, связанные с электромобилями. В новой программе «Горизонт 2020» 750 миллионов евро отпускается на исследования и разработки в области электромобилей при условии, что аналогичную сумму должны потратить компании. Таким образом, в Европе полтора миллиарда евро будет потрачено на создание новых технологий — технологий по батареям, по системам хранения. Аналогичная

работа идет в США. Кроме того, для коммерциализации этих технологий требуется строительство новых заводов. В США 2,4 миллиарда долларов отпущено на развитие производств, направленных на электромобили. General Motors выделен грант на 105 миллионов для производства батарей, Nissan — loan на 1,6 миллиарда долларов для производства новых батарей, моторов и для сборки электромобилей. Tesla — порядка 500 миллионов. Таковы масштабы поддержки. Нужно очень четко понимать, какой может быть наша роль и где может быть наша ниша, если такие средства тратятся на европейском, американском и китайском рынках. Я не хочу быть скептиком, я считаю, что ниша, связанная с российской спецификой, есть. В чем российская специфика? Это громадные расстояния. Это использование натурального газа. Если сейчас есть программа по развитию транспорта на газовом топливе, почему не может быть разработан гибрид, который будет использовать электричество и газовое топливо? Это новое, и это специфично для России. К тому же, если сейчас, при таком отставании от мировых лидеров, нам тяжело играть вкраткую, то у нас есть хорошие шансы играть вдолгую, рассмотрев долгосрочные тенденции развития рынка.

Какие еще технологии я хотел бы упомянуть. Опять-таки, это связано с географией. Европа очень маленькая, компактная. Российские расстояния зачастую не предполагают использования аналогичных технологий. Да, экологический путь развития — это основное направление. Но речь идет о транспортировке чего? Энергоресурса, энергии? В какой форме? Будет транспортироваться газ по трубопроводам, электричество в форме постоянного или переменного тока на дальние расстояния? Или LNG, сжиженный газ? Или какие-то другие, новые формы? Развилка должна решаться именно за счет того, что здесь наиболее целесообразно, не только с финансовой точки зрения, но и с точки зрения охраны окружающей среды. Спасибо

Е. Лазько:

Огромное спасибо, очень интересная тема. Мадлен, насколько я знаю, компания HP много участвует в государственных инициативах в России, связанных с управлением отходами. Есть такая область в отходах, как электронный мусор, которая, в частности, имеет отношение к тому, чем занимается HP в своей основной деятельности. Если бы Вы прокомментировали, каким образом это развивается в мире, что нам здесь стоит развивать, было бы очень интересно.

M. Bergrahm:

Thank you for having me here and for giving me the opportunity to speak about this. Of course, this connects to one of the three laws that you, Mr. Inamov, mentioned in the beginning – the waste law. I will talk a bit about development prospects in Russia in the waste area and the waste market. When doing so, I will reflect on three key principles, which we have found globally to be very important if we want to create both a good environment and a good business case for taking care of electronic waste. These three key principles are first, shared responsibility, which could also be called fair allocation; second, control by authorities; and third, quality standards for recycling. These are three general, key principles.

Why do we as HP, being a producer of all types of IT, care about waste? There are different reasons. We put four products a second on the market. When I stop talking in about five minutes from now, we will have put about 1,000 or 1,500 products on the market. So as you can understand, we do care about what happens when the products are old. We have been involved in looking into the development of the waste law, the amendment to the waste law in Russia, and trying to understand how we should make this effective.

I would like to be very frank and say that – even in terms of its name – talking about economic stimulus is very much about financing. It is not so much about the actual collection and recycling. This is a difference from what you see in the rest of the world. Instead of looking into how to get the waste out of the countryside and from

the consumers and from the businesses, we are talking about how we should finance it, and if it is going to be through a loan, from pay-as-you-scrap, or from pay-as-you-buy. I would say it is difficult to understand how we will access the waste, and if there is no waste collected, it does not matter what type of financial model we have to pay for it. So, I think this is a very generic thing that I wanted to mention. Simply put, it is about the rouble against the kilo.

Also, for our sorts of waste – electronic waste – there is some value in some parts of it, and some recyclers and organizations have noticed that there is the same amount of gold in one tonne of waste as there is in 17 tonnes of ore. So, it would be better to go and dig out the gold from waste. However, if you look at the waste stream, the municipal solid waste stream is not only waste; it is mixed with lots of other stuff. This is not true of municipal solid waste today, and that is why we are trying so hard to see how we can have separate collection of at least some sorts of waste.

Looking into the waste law, it is very important distinguish between two things. I have my mobile phone here. I buy a mobile phone every two years; I throw my old one away every two years. I buy one or two packages every day, and I throw those away immediately. So, the amount, lifetime, and composition of these two types of waste are very different. When we create the law, it really needs to take into account the differences of different waste streams and so on.

Regarding control, we want it to be the producers' responsibility. The producers should take full responsibility. However, we need help to do this because not all companies are taking responsibility in the same way, and we cannot go around policing each other. There needs to be a controlling authority that helps out. This controlling function can be paid for by the producers. In some countries the control mechanism and control tower are paid for by the producers. For instance, that happened in Denmark, and in the beginning the cost was high. After two years, they looked at the cost, and they lowered it, so it is not an excessive cost.

I think that one suggestion is for the waste law and the amendments to the waste law to be somewhat clearer about the role of municipalities. As it looks today, we would

be able to get fractions that we could recycle from retailers and from business customers. However, we cannot get this from the municipal waste stream, and there may not be that much in the waste stream anyway because some of the e-waste has value and disappears along the way to the landfill.

Those are just a few thoughts about the waste law and key priorities.

Regarding the business case, why do we care? Many companies – including our company, ABB, Sberbank, and others – have an agenda of doing well by doing good. Those were the words of our founders: “Doing well by doing good.” One of our core values is to engage in something that is good for the environment. It is also a good business case. We have been able to use recycled plastics in something that we will launch in just a couple of months, and we will talk more about in a couple of months. We use recycled plastics in our own products, and recycled plastic costs less than virgin plastic. In some regions, such as a country in Africa – which almost has the same population as Russia – the public sector wants to see that we invest in the country. We do so by pushing the recycling industry, which creates jobs locally. This is also a good business case for us. What we really would be happy to see – the main success factor for the waste law in Russia – would be to have the regulation create a waste stream so that recycling businesses would be ready to invest and know that there would be a waste stream to treat. Today, we have lots of discussion about when would you pay, how much you pay, who is going to pay, rather than where do we get the stuff from, how can we avoid putting it in the landfills, and so on. I think I will stop here and see if we can pick it up later. Thank you.

Е. Лазько:

Максим, не секрет, что министерство считает свою инициативу по попутному нефтяному газу и его утилизации одним из самых успешных проектов последних лет. С макроэкономической, аналитической точки зрения, как Вам видится прогресс в этом направлении?

М. Нечаев:

Спасибо. Для меня честь выступить сегодня на вашей площадке. Помимо вопросов об утилизации попутного нефтяного газа, я также в конце затрону вопрос об альтернативной энергетике. О ней пока говорили очень ограниченно, но она тоже является неотъемлемой частью «зеленой» энергии. Для начала — почему важна проблема утилизации попутного нефтяного газа. Наша страна является страной номер один по объемам его сжигания. Мы находимся в компании таких стран, как Ирак, Иран и Нигерия. Вместе с Россией эти четыре страны сжигают 25% всего сжигаемого в мире попутного нефтяного газа. Почему это плохо? Начну с различия между попутным нефтяным газом и природным. Попутный нефтяной газ является жирным газом, и там, помимо основного компонента, который используется в промышленности и для генерации электроэнергии, метана, — существует около 30% более тяжелых примесей — этан и выше. Эти компоненты нельзя сдавать в трубу напрямую, их нужно из природного газа извлекать. Далее эти компоненты могут быть использованы в нефтехимии и в автомобильной промышленности, например как топливо, как сжиженный углеводородный газ. Извлечение компонентов C_2+ является дорогим удовольствием, потому что нужно не только их извлечь, но еще этот газ транспортировать до заводов, которые будут заниматься извлечением. В России, к сожалению, сегодня до 20% всего добываемого попутного газа, а это около 16 миллиардов кубометров в год, сжигается на факелах. Что это такое? Наверняка те из вас, кто летал над территорией Восточной Сибири или Ямало-Ненецкого автономного округа ночью, наблюдали яркие горящие факелы из окна самолета. Ежегодно в России в результате сжигания газа на факелах выделяется более 100 миллионов тонн CO_2 . Это наносит огромный ущерб окружающей среде. Помимо CO_2 выделяются такие вредные компоненты, как окись азота, двуокись серы и тяжелые металлы. Российские нефтяные компании на протяжении последних пяти-семи лет активно пытались снизить показатель сжигания или увеличить

показатель полезного использования попутного нефтяного газа. В последние годы государство решило существенно помочь компаниям, введя большие штрафы за сжигание. Штрафы увеличились в десятки раз за последние несколько лет, и это стимулирует компании утилизировать природный газ. Как раз эти штрафы делают экономику многих проектов по утилизации попутного нефтяного газа положительной. Если три-четыре года назад около половины попутного нефтяного газа сжигалось на факелах, то сейчас этот показатель составляет всего лишь 20%, то есть коэффициент попутного использования нефтяного газа — 80%. Правительство поставило цель перед нефтяными компаниями довести этот показатель до 95%. Вероятно, он будет достигнут в ближайшие два года, так считает Правительство. Мы считаем, что нефтяные компании осуществят это ближе к 2017-2018 году. Уровень утилизации попутного газа у разных нефтяных компаний существенно отличается. Например, в «Сургутнефтегазе» он является наиболее высоким и достигает 99%, а в некоторых других компаниях, таких как «Роснефть», «Газпромнефть», находится на уровне ниже 70%, что существенно хуже среднеотраслевых показателей. Отдельно стоит заметить, что уровень утилизации попутного нефтяного газа у малых нефтяных компаний еще меньше. Прежде всего это связано с удаленностью инфраструктуры и со значительными инвестициями, которые требуются для утилизации попутного нефтяного газа.

Основную роль в увеличении сжигания попутного нефтяного газа сыграла разработка Ванкорского месторождения. Сейчас оно находится на пути сдачи попутного нефтяного газа в трубу, которая была построена до лукойловских месторождений, через лукойловские месторождения до точки сдачи газа в Ямбурге. Три проекта «Газпромнефти» — это Вынгапуровское, Южноприобское месторождения и томская группа месторождений. По всем этим проектам идет активная работа, строятся газоперерабатывающие заводы, ведется закачка газа в пласт. То есть отрасль развивается по «зеленому» пути, скоро она не будет считаться такой «черной», какой была ранее. Здесь очень важна роль

государства — чтобы оно не только налагало штрафы, но и очень дифференцированно подходило к стимулированию утилизации попутного нефтяного газа, прежде всего для малых нефтяных компаний.

Если переходить к теме использования «зеленой» энергии в российской электрогенерации, то, к сожалению, Россия, несмотря на то, что правительство прилагает усилия к увеличению доли «зеленой» генерации, существенно отстала от западных стран. Например, сейчас доля «зеленой» генерации, или генерации электроэнергии из возобновляемых источников, составляет меньше 1%, в то время как в Германии — порядка 20%, в Великобритании около 16%, в США около 10%. Западные страны — и Европа, и Штаты, но в большей степени Европа и в основном Германия — собираются довести эту долю до 30% к 2020 году. В Германии мощности электростанций, которые рассчитаны на возобновляемые источники энергии, — это прежде всего солнечные и ветряные электростанции, — в три раза превосходят мощности газовых электростанций. Это, конечно, помогает вырабатывать существенную долю энергии из возобновляемых источников. Правительства Германии и Великобритании дают мощные налоговые и экономические льготы по покупке энергии, выработанной на данных видах электростанций. Россия тоже встала на этот путь и объявила целевым показателем к 2020 году долю «зеленой» электроэнергии в 2,5%. Но, к сожалению, шагов, направленных на достижение этой цели, было предпринято недостаточно. Конечно, существует стимулирование компаний, которые занимаются выработкой «зеленой» энергии, но это прежде всего касается трех видов электроэнергии — энергия солнца, энергия ветра и малые гидроэлектростанции, с мощностью меньше 25 мегаватт. К сожалению, такие виды энергии из возобновляемых источников, как энергия приливов и отливов, геотермальная энергия, не вошли в программу по стимулированию генерирования электроэнергии из возобновляемых источников.

Есть еще два момента, которые сдерживают развитие альтернативной электрогенерации в России. Недостаточное стимулирование со стороны

государства цен закупки электроэнергии, которая генерируется из возобновляемых источников, и требования к локальному контенту. Это очень важное требование, которое, с одной стороны, может помочь российским производителям генерирующего оборудования встать на ноги, а с другой стороны — сдерживает строительство электростанций, потому что российское оборудование, которое должно быть использовано на электростанциях из альтернативных источников энергии, дорогое, недостаточно энергоэффективное и качественное. К тому же в Законе о закупках указано, что при прочих равных условиях, то есть при одинаковых характеристиках российского и зарубежного оборудования, российское может быть до 15% дороже зарубежного аналога, и оно будет иметь преференции. Это тоже не способствует удешевлению и повышению финансовой эффективности выработки «зеленой» энергии. Мы надеемся, что эти проблемы найдут отклик, будут адресованы и в какой-то степени решены. Конечно, Россия в ближайшем будущем вряд ли будет стремиться к показателям Европы и Америки; тем не менее, мы надеемся на прогресс в этой области.

Е. Лазько:

Спасибо большое за экскурс в энергетику.

Исаак, не секрет, что «Балтика» является лидером многих инициатив, касающихся расширенной ответственности производителей. Расскажите о том, что произошло за последний год, в каком направлении вы движетесь сейчас.

I. Sheps:

Hello, and thank you very much for this opportunity. Since I am constrained on time, I will try to be short, so that we will all have time to drink a beer, which is very good for the environment, by the way.

I will start with something that a lot of people are talking about: economies, considerations, and companies. Maybe I will start with a very clear statement:

Baltika, as a group, has the basic belief that the only way that we as a company will have sustainable, profitable growth is if we meet the needs and expectations of all our stakeholders in a balanced way. One of the stakeholders is the society in which we operate, and one of the expectations of the society around us is to take care of the environment. For us, it is not about economics or other exports. Regarding our license to operate, there is no way we should operate as a business in any country without doing what we can about our impact on the environment.

Having said that, you may ask us as a beer industry and brewers: What actually can we do, and what should we do? I will start from the very bottom line. I would say there are three or four main indicators in our industry that are directly related to the environment. We should use as little energy as possible in what we are doing. We should use as little water as possible because there is a scarcity of water in the world. We should keep CO₂ emissions as low as possible. If you follow our CSR reports at Cosmo Group (and you can also follow our Baltika CSR report that was just released), we are proud to say that we are the best in the world – among brewers – in terms of the amount of energy used, water used, and CO₂ emitted by our company. These numbers are proven by different reports, not just what we are saying. This is the bottom line.

How do we do it? We have a lot of initiatives, and I will try to be short. First of all, I will mention a global initiative, which we have applied in Russia. We looked at our CO₂ emission impact as an industry, which was also mentioned by the ministry that we worked with – the Ministry of Ecology in Russia. We looked at our CO₂ impact for the whole supply chain – from agriculture up to the end, when you drink our beer (which means that you have to cool it). The refrigerators in shops may or may not be environmentally friendly. We then looked at this whole chain of CO₂, it may surprise you that we found 40% of our CO₂ impact was actually coming from the packaging we are using. That is why we decided to focus more on packaging materials, and we created something we called a sealed cooler community. We also talked about our seal at the Davos Economic Forum. The whole idea is to sit down with our packaging

suppliers and find different ways to make more environmentally friendly packaging. I will just give one small example. Whenever bottles – like this one – are lighter, there is less impact of CO₂ emissions on the world. They can be lighter – up to a limit – so it will not explode, break in your hand, or split when you open the cap, because there are a lot of safety precautions. Moreover, the more times you can use a bottle, the better the actual impact you have on the environment. So, we started many years ago, and we are the only brewers in Russia who use returnable bottles. Of course, you have to invest in huge washing machines, and you have to talk about collection, because there is no real system in Russia to re-collect bottles.

You mentioned that in Denmark there is no packaging that is not returned. You know it. It is a fact. Actually, it is the most advanced in the world. With local governments and some operators, we started to put separate collecting bins around the country in nine big cities. We are very proud to say that we have 2,000 of these bins already placed in the market. Sounds amazing, right? In Austria, there are 3 million bins like that, and I think that Russia is a little bit bigger than Austria. Of course, it is just a drop in the big sea, but like the Chinese proverb says, a big journey starts with a small step. This is the right thing to do. The fact is, if you take the numbers in 2013, there were 200 million bottles that came back to our breweries to be used again. This is the good news. The bad news (from an environmental point of view, but very good news from a business point of view) is that we are selling a lot more than 200 million bottles a year as the biggest brewer in the country. I can tell you the numbers. It depends on the type of the bottles, but only up to about 20% of our new bottles are bottles that we use again. Of course, we also send those bottles that cannot be used again to recycling.

We do it in small things, and I will not go into all the details. For example, in Khabarovsk – which as you know is very far east – we have a brewery, and we have to look at different ways to do things. You talked about reusable energy or bioenergy. In Khabarovsk, our wastewater treatment plant is actually creating gas. This is part of the way you treat wastewater. This gas is used for energy in the Khabarovsk

brewery. And by the way, it is very easy to change the boilers to use this gas. That is not a big issue. The issue is more related to how to get it. Of course, we still have to use other sources, and you know very well that we are very happy about the new deal with China somebody mentioned. I hope that this pipeline will go past the brewery, and we will get gas in Khabarovsk. Now we do not get the gas, and it would help us very much if we did. But at the same time, we collect the bottles returned in the market in Khabarovsk. This is a small thing to tell you about the environment. The bottles we use in Khabarovsk come from a very close, nearby city – from Novosibirsk, which is no more than 4,000 kilometres away. However, we use cans that come from Chelyabinsk, which is a little bit further away. We own trains in Russia that we use to send crushed bottles to the Novosibirsk plant in order to make new bottles. So we do these small things, and I do not think it has very much to do with the economy. It is based on a strong belief in what we are doing, and we continue to do all these types of projects – like the bottles – that we are working on with our suppliers today. Speaking of small things, we talked a lot about the idea to bring together adjacent industries. We pushed hard for a bottle company to come and build a factory in Khabarovsk, and we committed to buying 40% of their bottles. It has not really happened because they encountered some problems, and Sberbank did not give them the money they need, which I assume was for good reasons. Anyway, we are looking for another partner, because this is business. The same goes for cans. Of course, if you cluster together, it also improves whatever we do. Last but not least, I would like to say that we had a lot of comments about the wastewater law and so on. There is one basic thing we would really like to say. I will just say it in our common jargon, and what we say is ‘Chapeau’. This is an example of our industry working together with the ministry. They listened to us, and we got a long way on the work. Because we do have experience in the world, working together is making the law the best it possibly can be in the Russian environment. You could, for example, make a law and set quotas for recycling, but there may not be companies who know how to recycle. There are some market issues because it

has never been done before. But it is the right thing to do. The one who puts waste in the market should be responsible for recycling it, okay? Reuse it in reasonable quotas, and if the quota is not met, then there should be a reasonable payment. By the way, if there are not reasonable quotas or reasonable payments, then there may not be any pollution because there would not be any companies. I am not sure that would be very good for the Russian economy. Everything should be reasonable. It was done in Europe, in the US, and in the world. We know how it is done, and it works. We are more than happy to work together, and we continue to do our best. Thank you very much.

Е. Лазько:

Андрей, многолетнее обсуждение Закона о наилучших доступных технологиях подходит к концу, и, судя по всему, есть согласованное решение или промежуточная позиция. Если Вы расскажете нам о том, что происходит в этой области, будет очень интересно.

А. Елинсон:

Спасибо большое. Уже не первый год проводится это мероприятие, и каждый год «зеленая» повестка расширяется. Аспектов, представленных на Форуме, становится все больше. Раньше здесь были достаточно узкие выборочные беседы и либо споры на законодательные темы, либо какие-то лоббистские вопросы, либо вопросы крупных компаний, а сейчас «зеленая» повестка все более и более разнообразна. Это приятно видеть — значит, она представляет интерес, имеет свое представительство у нас в экономике. Тем не менее говорить о том, что дискуссия между сообществом промышленности и законодателями закончилась, — чрезмерно оптимистично. Я думаю, это лишь один из этапов. Сейчас мы в некоей коллаборации с Министерством промышленности, пытаемся найти общий язык. Если говорить о тех трансформациях, о которых заявляет Министерство природы, мы как

сообщество промышленности остаемся при своем мнении, что это, скорее всего, не решит тех структурных проблем, о которых мы говорили и на заседаниях с Премьер-министром, и на различных докладах. Те механизмы, которые сейчас заложены, возможно, дадут нам платформу для решения проблем, о которых мы говорим. Мы в какой-то степени пришли к единому пониманию: резкие предложения и агрессивная, насильственная попытка заставить промышленность перейти на наилучшие доступные технологии или модернизацию без понимания исторических особенностей формирования этих предприятий, их потребностей — неэффективны. Тут кто-то в кулуарах пошутил, что, в связи с последними макроэкономическими событиями, это «наилучшие и уже недоступные» технологии. По крайней мере, часть из них действительно может стать наилучшими недоступными — многие технологии предполагается привлекать и импортировать из уже развитых экономик, а сейчас технологическое сотрудничество в ряде областей может быть, по крайней мере, «подвешено». Даже если абстрагироваться от сегодняшней ситуации — то, что говорит Исаак Шепс, я считаю важной иллюстрацией того, что социально ответственный, экологически ответственный бизнес сам делает все необходимые шаги и проводит необходимую модернизацию, которая экономически оправдана для этого бизнеса. Я уверен, что компаниям Carlsberg и «Балтика» не требуется экологического законодательства, стимулирования штрафами или какими-то насажденными требованиями для того, чтобы каждый день искать экономически эффективный способ быть более конкурентоспособными. У них есть философия, глобально поддерживаемая компанией, — «зеленые» экономические инструменты развития для них приоритетны как один из способов быть наиболее конкурентоспособными. Я говорил неоднократно: нужно дать нашим предприятиям быть конкурентоспособными. Разные предприятия в нашей стране, как вы знаете, обладают разной степенью конкурентоспособности, и если сейчас на них наложить единую линейку, единый стандарт, то мы останемся без львиной

доли нашей промышленности. Хорошая или плохая — она исчезнет с промышленной карты нашей страны, и это, я думаю, нанесет огромный ущерб обществу. Я опять сошлюсь на выступление Исаака Шепса — очень важно понимать, кто твои стейкхолдеры. Стейкхолдер в виде общества — это важный стейкхолдер, но стейкхолдер в виде государства или в виде муниципальных региональных властей столь же важен, особенно если мы говорим о моногородах. Как решить проблему предприятия, находящегося в моногороде, или того, от которого серьезно зависит занятость в этом регионе, если оно работает на той технологии, которая является наилучшей возможной для них? Не наилучшей доступной, а возможной. Каким образом они могут обеспечить занятость в регионе? Это непростой вопрос, и необходим баланс всех интересов. Конечно, все хотят работать на самых лучших, самых чистых, самых экологически продвинутых предприятиях, но проблема намного более сложная. Вообще Минприроды делает, безусловно, титаническую работу. Это не функция Министерства природы — делать реформу экологического промышленного законодательства в стране. По скромным подсчетам, в обсуждении этого небольшого элемента реформы задействовано четырнадцать министерств и ведомств. Мы еще раз хотим сакцентировать внимание на том, что это не должно быть задачей только Минприроды, или РСПП, или промышленности. Это серьезная государственная задача, и без государственной надстройки, то есть межведомственной комиссии, курирующего вице-преьера и вообще постановки задачи на уровне Правительства по серьезной экологической реформе, мы серьезно вперед не сдвинемся. У нас будут промежуточные победы или какие-то тактические изменения — здесь Министерство природы сможет что-то предложить, здесь Министерство промышленности, здесь предприятия смогут каким-то образом донести до всех свои пожелания. Но комплексной реформы не получится. Мы в качестве инициативы организовали широкую рабочую группу и продолжаем развивать пакеты по обсуждению будущих элементов экологической реформы.

Это лишь кирпичики, которые, мы надеемся, будут готовы к тому моменту, когда наша государственная машина будет в состоянии их взять и сказать: отлично, спасибо, что это вы уже сделали, давайте выберем, сложим, примем и будем двигаться дальше. Я думаю, если нас услышат, в частности в результате таких дискуссий, как сегодня, — есть шанс, что в ближайшее время экологическая реформа в России состоится. Тогда те ростки, о которых мы говорим сейчас, почувствуют себя гораздо более комфортно, и мы сможем увидеть намного больше с точки зрения движения России в этом направлении, чем то, что мы видим сейчас. Спасибо.

Е. Лазько:

Спасибо большое, Андрей. Последний доклад. Евгений Аркадьевич Шварц расскажет нам о видении НКО.

Е. Шварц:

Спасибо большое, Елена. Мне кажется, очень интересна динамика нашей панели за последние три года: по крайней мере, точек совпадения позиций гораздо больше. В стране должна быть создана национальная модель «зеленой» экономики, потому что та модель «зеленой» экономики, которая финансировалась в рамках Green Recovery Package Южной Кореей, Китаем и Францией, направлена на то, чтобы уменьшить зависимость от нефти и газа. В реалиях нашей страны — давайте посмотрим, о чем писали в последние три дня газеты. Все обсуждали, будет соглашение с Китаем по газу или нет. Российская модель «зеленой» экономики, на наш взгляд, заключается в следующем.

Первое. Это смена модели, когда в стране есть только два реальных игрока: государство и ресурсные госкомпании. На современную, в которой еще есть общество, мелкий, средний бизнес и крупный частный бизнес, и главное, существуют равные условия для госкомпаний и частного бизнеса. Если вы меня

спросите, зачем я, эколог, лезу в либеральную экономику, я отвечу: весь опыт показывает, что без этого никакой «зеленой» экономики не будет. Следующее. Действительно, на ближайшие пять-восемь лет, по-видимому, наша модель «зеленой» экономики — наиболее экологически ответственный поставщик ресурсов. Если мы не можем заснуть и проснуться Швецией или Южной Кореей, значит, нужно смотреть, где у нас конкурентные преимущества. У нас есть конкурентное преимущество быть более экологически ответственным поставщиком природных ресурсов, чем Нигерия, Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Венесуэла и так далее. Следующее — это выход на плато и начало снижения эмиссии парниковых газов в энергетике, прекращение роста и снижение эмиссии метана. Эта задача фактически уже решена. Далее — реформа технологического нормирования. Я в чем-то согласен с Андреем Елинсоном, но во многом нет. Могу сказать одно: определенное количество моногородов не может перейти на закон по технологическому нормированию, они должны быть исключены, для них должна быть предложена другая модель. Нельзя отказываться от проведения назревшей технологической реформы, когда основные производства уже 16-18 лет имеют нового собственника. В реальной рыночной экономике на место того, кто не научился, приходит более эффективный собственник. Коллеги, давайте играть во взрослые игры, особенно когда мы говорим про позицию бизнеса. Нет единой позиции бизнеса, есть позиция группы компаний, у которых очень высокая закредитованность. Именно поэтому они не могут кредитоваться. Но при этом есть те, которые более эффективно управляли своей собственностью. Следующее — восстановление системы «прокрашенных» платежей за загрязнение окружающей среды и превращение их в один из финансовых инструментов модернизации. Бизнес, РСПП и другие представители сообщества, и совершенно правильно ставят вопрос о высокой коррупционности государственного урегулирования. Безусловно, роль гражданского общества — это внедрение развития мягких некоррупционных

рыночноориентированных механизмов экологизации компаний, отстаивание интересов общества и стимулирование внедрения лучших корпоративных практик, политик и стратегического планирования. Компании, входящие в Комитет РСПП, отличаются от компаний, входящих в корпоративный клуб Всемирного фонда дикой природы, тем, что одни говорят, что ни в коем случае нельзя делать публичным, сколько мы потребляем на единицу продукции, а другие на основе относительных показателей ресурса энергоэффективности и отходов делают свою корпоративную стратегию. В этом все различие. Я полностью согласен с Андреем: хотелось бы, чтобы все были как компания «Балтика». Но есть разница между теми компаниями, которые ориентируются на конечного потребителя, и теми, которые работают дальше от него. Классический пример — экологически чувствительный сектор лесопользования. Россия занимает второе место по площади наиболее жестко экологически сертифицированной древесины после Канады, у нас 23% всех лесов, которые в лесопромышленной аренде прошли эту сертификацию. Почему — понятно: ни IKEA, ни Castorama, ни OBI ворованного не купят. В 2012 году Президент говорил, что экология не должна быть барьером для торговли. Мне кажется, существует некоторое недопонимание. Скажем, принятие Конгрессом США исправленного Закона Лейси или новая директива ЕЭС о противодействии закупке ворованной древесины — это не лоббирование американских компаний, у которых уже, как правило, чилийский собственник. Это лоббирование ритейл-компаний — IKEA, Walmart, Kostka. Это те, кто обещал потребителю, что не будет продавать ворованного, и хочет, чтобы те, кто продает ворованное, не получали конкурентного преимущества. Это новая реальность, у нас уже не рынок времен Адама Смита и Давида Рикардо. Другое дело, конечно, что то, что дальше от потребителя, менее экологически чувствительно.

За прошлый год у нас появилось два финансовых института, которые присоединились к международным механизмам экологической социальной

ответственности. Банк «Открытие» вступил в Принципы экватора, «Внешэкономбанк» вступил в финансовую инициативу ЮНЭП. Я очень рассчитываю, что после нашего сегодняшнего заседания Всеволод Гаврилов поставит вопрос перед своим руководством о том, чтобы отметить в одной из соседних колонок. Мы этому будем очень рады.

Есть показатель, его можно любить или не любить, — это сертификация экологического менеджмента. Конечно, мы отстаем от Китая, но в течение последних пяти лет произошел перелом в количестве выдаваемых сертификатов ISO14000. Мы знаем по опыту Китая, что так начинается экологизация экономики. Это говорит о том, что российская экономика, российский реальный сектор начал чувствовать тяжелое дыхание мирового потребления.

Теперь по поводу прозрачности и учета неучитываемых интересов. Может быть, достаточно того, чтобы «Роснефть», «Газпромнефть» договорились с Правительством, и все проблемы будут решены. Не совсем так. Вот на картосхеме три маршрута — тот, который был утвержден экспертизой и который никто не собирался строить; тот, который был отвергнут Президентом Владимиром Путиным; и тот, который построен, по которому пойдет экспорт в Китай. Это Северный маршрут. Вот эту карту побоялись опубликовать даже в «Московских новостях», только в «Гудке». Почему сразу не был выбран Северный маршрут, если именно он проходит по всем новым месторождениям, которые есть в Якутии и в Иркутской области? Более того, мы вышли на ТНК-ВР с инициативой о том, чтобы сделать анализ минимизации экологических рисков при экспорте в Китай. Мы понимали, что, скорее всего, собственник сменится. Тем не менее компания пошла на это. В результате проведенного исследования был выбран тот маршрут, по которому пойдет экспорт газа, то есть экологические риски минимизированы, именно поэтому и не было протестов. Сейчас сходный процесс мы осуществляем с компанией EN+ и ее «дочкой» «Евросибэнерго» по минимизации воздействия потенциальных ГЭС

на бассейн Амура. Наше энергетическое сотрудничество с Китаем не должно привести к тому, что мы потеряем то, что имеем. Это, в первую очередь, в интересах развития российской экономики.

Замечательный был рассказ про попутный газ. Почему важно, чтобы было одинаковое соблюдение законодательства государственными и частными компаниями? Вопрос не в том, что у «Роснефти» и у «Татнефти» был разный уровень старта. Это вопрос стратегического планирования. Если при планировании Ванкора было заложено, что количество эмиссии ПНГ будет возрастать, это стратегическая ошибка, и это создает нечестную конкуренцию, потому что тот же «Лукойл», у которого сопоставимое количество новых гринфилд-проектов, был вынужден выполнять требования государства. Если мы хотим процветания нашей экономики, нужно, чтобы было честное отношение или равная ответственность госкомпаний и частных компаний. Мы согласны с тем, что должны быть мягкие, но эффективные экономические стимулирующие инструменты. Мы давно с этим работаем, и сейчас я рад объявить, что мы совместно с компанией CREON приступили к подготовке экологического рейтинга двух десятков крупнейших нефтегазовых компаний России на основании требований к основным игрокам нефтегазового сектора. Эти требования были сформулированы неправительственными организациями, на основании качества финансовой отчетности, сертификатов управления и экологического управления и наличия тех инструментов, по которым любой финансовый институт принимает решение о выдаче и ставке кредита. В июне начинается консультация с компаниями, в декабре мы рассчитываем на публикацию этого рейтинга. Спасибо.

Е. Лазько:

Спасибо большое, Евгений Аркадьевич. Спасибо большое всем участникам. К сожалению, мы сильно вышли за временные рамки, на вопросы и ответы

времени не останется, но я думаю, все смогут поговорить по завершении сессии. Увидимся в следующем году, я надеюсь.